

ВИЗАНТИЙСКИЙ СОЦИУМ. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.24>

UDC 94(495)+94(560)“13”+82-94
LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 19.05.2023
Accepted: 22.09.2023

CELEBRATING THE NEW YEAR IN BYZANTIUM

Tatiana V. Kushch

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Many cultures consider the first day of the new year a holiday which supposes the performance of specific rituals and rites. The traditions of New Year celebrations reflect the nature of this or that civilization, its historical experience, and religious and world-viewing constants. The said is to the full extent actual for the Byzantine civilization. *The purpose of the work is* to reconstruct the general scenario of official celebrations, to trace its evolution, and to analyse the folk tradition related to it. *Methods and materials.* The main sources of the given research are liturgical books, treatises on ceremonies, and epistolography. *Analysis.* In Byzantium, the New Year was celebrated on September 1 at different levels: church, state, and public. Despite its origin from the laity, the Byzantines viewed this holiday primarily as religious as it opened both the new year cycle and the church calendar. By the tenth century, there developed the order of service (*akolouthia*) for the first day of the new year. The patriarch served special liturgies in St Sophia's Church and performed a crucecession. The emperor was not allowed to participate in the church rituals. In Late Byzantium, the climax of the New Year ritual was the public prayer made in the imperial capital, in the Forum of Constantine, in the presence of the emperor. The ceremonial protocol documented that the ruler must participate in the New Year service. The ordinary people of Byzantium widely celebrated this holiday, spending this day in going to church, paying visits, and exchanging greetings. *Conclusions.* The enlarging of the programme of palatial ceremonies with the emperor's appearance in the New Year celebration shows, from the one hand, the strengthening of the secular component of the holiday and, on the other hand, the trend to sacralization of the palatial life. The comparison of the scenario of the New Year celebration that existed in the Age of the Palaiologoi with the official holiday on such a case in the pre-Petrine Russia shows an important Byzantine influence on Russian culture of celebration and church policy.

Key words: Byzantium, New Year celebrations, Byzantine palace ceremonial, imperial power, church holidays, festive culture of Byzantium.

Citation. Kushch T.V. Celebrating the New Year in Byzantium. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 320-328. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.24>

УДК 94(495)+94(560)“13”+82-94
ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 19.05.2023
Дата принятия статьи: 22.09.2023

ПРАЗДНОВАНИЕ НОВОГО ГОДА В ВИЗАНТИИ

Татьяна Викторовна Куш

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Первый день новолетия во многих культурах считается праздничным и предполагает совершение особых ритуалов и обрядов. Традиции новогодних торжеств отражают характер той или иной цивилизации, ее исторический опыт, религиозные и мировоззренческие константы. Это в полной мере относится и к византийской цивилизации. *Цель статьи* – реконструировать общий сценарий официальных торжеств, проследить его эволюцию, а также рассмотреть народную традицию, с ним связанную. *Методы и материалы.* Основные источники исследования – богослужебная литература, церемониальные трактаты, эпистолография. *Анализ.* В Византии Новый год отмечали 1 сентября на разных уровнях – церковном, государственном, общенародном. Несмотря на свое «гражданское» происхождение, этот праздник являлся для византийцев прежде всего религиозным – им открывался не только новый годичный цикл, но и церковный календарь. К X в. сложилось чинопоследование, приуроченное к первому дню нового года. Патриарх служил особые литургии в храме Св. Софии и совершал крестный ход. Участие императора в церковных обрядах не предусматривалось. В поздней же Византии кульминацией новогоднего ритуала стал молебен, совершаемый на столичном форуме Константина, в присутствии императора. В церемониальном протоколе было зафиксировано обязательное участие правителя в новогодней службе. Праздник широко отмечался и простыми византийцами, которые в тот день посещали храмы, ходили в гости, обменивались поздравлениями. *Выводы.* Включение в программу дворцовых церемоний императорских выходов в Новый год показывает, с одной стороны, усиление светского компонента праздника, с другой, тенденцию к сакрализации дворцовой жизни. Сравнение сценария новогоднего праздника палеологовской эпохи с официальными торжествами по случаю новолетия в допетровской России показывает сильное византийское влияние на русскую праздничную и церковно-политическую культуру.

Ключевые слова: Византия, праздник Нового года, византийский дворцовый церемониал, императорская власть, церковные праздники, праздничная культура Византии.

Цитирование. Куц Т. В. Празднование Нового года в Византии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 6. – С. 320–328. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.24>

Введение. В каждой системе летоисчисления обязательно присутствует точка отсчета – первый день года, в который и происходит смена лет. Выбор границы годичного цикла определялся разными факторами (характером хозяйственной деятельности населения, природными и астрономическими явлениями, мифологическими и религиозными представлениями, историческими событиями) и отражал историко-культурные особенности восприятия людьми времени и его цикличности. Но каковы бы ни были основания для определения границы смены лет, первый день новолетия считался особенным, праздничным, выбивающимся из череды будней, а потому предполагал совершение определенных ритуалов. Обрядовые традиции, сложившиеся вокруг этого праздника, говорят о характере самой цивилизации, ее историческом опыте, ее религиозных и мировоззренческих константах. Это в полной мере относится и к византийской цивилизации.

На протяжении всей своей истории Византия пользовалась унаследованным от Древнего Рима юлианским календарем, что было закреплено решениями Никейского со-

бора 325 года. Однако в древнеримской и византийской системах летоисчисления были разные точки отсчета годичного цикла. В течение многих столетий древнеримский год начинался в первый весенний день, 1 марта. По реформе Юлия Цезаря (46 г. до н. э.) новолетие официально перенесли на 1 января – день, когда избранные римские консулы приступали к исполнению своих обязанностей [6, с. 18]¹. Позднее, уже в имперский период, появилась еще одна точка отсчета – индикт, который использовали для исчисления налогов². Индикт, фискальный год, начинался с 1 сентября [14, р. 33; 3, с. 413–414], при этом счет лет продолжали вести с 1 января. В позднеримский период, таким образом, налоговый цикл не совпадал с календарным годом.

Позднее это расхождение нивелировалось и индикт стал синонимом новолетия. При Юстиниане I (527–565) первый день индикта считался официальным началом нового года (τὸ νέον ἔτος), что было законодательно закреплено 47-й новеллой, вступившей в силу 1 сентября 537 г. [29, vol. 1, р. 448; 13, р. 383; 20, р. 202]. Однако гражданский год, начинавшийся в первый осенний день,

еще долго сосуществовал с другими вариантами летоисчисления (с 25 декабря, 1 марта, праздника Пасхи, начала правления императора) [3, с. 415]. Окончательно «сентябрьский год» утвердился в Византийской империи лишь в X в.³ – до этого времени действовал и «мартовский год», от которого, в частности, рассчитывался церковный праздничный календарь.

Методы и материалы. В нашем распоряжении имеются источники, относящиеся к X в., которые позволяют реконструировать обрядовую сторону новогодних торжеств, утрачиваемых в тот день официальной церковью, и общий сценарий праздника. Речь идет прежде всего о богослужебной литературе – Константинопольском синаксаре и Уставе Великой церкви. Источники же XIV в. (обрядник Псевдо-Кодина, эпистолярный) дают возможность проследить, как со временем изменилась драматургия официальных торжеств, а также охарактеризовать праздничные традиции, существовавшие в поздней Византии на бытовом уровне.

Анализ. Традиция отмечать 1 сентября как новолетие, заложенная в ранневизантийскую эпоху, к X в. уже окончательно сложилась, но при этом «гражданское» происхождение праздника отошло на второй план. Для византийцев Новый год был прежде всего праздником религиозным, ведь счет лет велся от Сотворения мира. Первый осенний день теперь официально открывал годичный цикл церковных праздников и поминальных дней, о чем, в частности, свидетельствует Константинопольский синаксарь (X в.). И хотя первые строки синаксаря упоминали о светском происхождении названия «индикт» («у римлян индикт назывался рубежом») и о времени его введения («со времени Августа Цезаря, который царской властью установил его и составил податной список земель, чтобы определить границу всех уплачиваемых в течение года податей»), все же истинной «хранительницей времени» выступала церковь («церковь чтит полученное по наследству согласно обычаю») [28, col. 1.1].

В столице Византийской империи по случаю новолетия совершались особые религиозные ритуалы, в которых принимали участие патриарх и высшее духовенство. В Уставе

Великой Церкви (X в.) приведено чинопоследование (ἀκολουθία), совершаемое 1 сентября – в нем подробно описан порядок проведения богослужений, последовательность чтений и исполнения тропарей, кондаков и стихир [24, р. 2–9]. В этот же день церковь, кроме индикта, также поминала святых и мучеников (Симеона Столпника⁴, 40 Иракийских мучениц, Аммона, Аифала и др.) и отмечала праздник Собора Пресвятой Богородицы в Миасинах. В храме Св. Софии по этому поводу служили праздничные литургии. Во время вечерни, которую совершал патриарх на амвоне главного храма Константинополя, звучал тропарь новолетия: «Всех творений Создатель, время и годы во Своей власти положи- вый, благослови (новый) год благостью Твоею, Господи, сохраняя в мире людей молитвами Богородицы, великой милостью Твоей» (Ὁ πάσης δημιουργῶς τῆς κτίσεως, ὁ καιροῦς καὶ χρόνου ἐν τῇ ἰδίᾳ ἐξουσίᾳ θέμενος, εὐλόγησον τὸν στέφανον τοῦ ἐνιαυτοῦ τῆς χρηστότητός σου Κύριε, φυλάττων ἐν εἰρήνῃ διὰ τῆς Θεοτόκου τὸν λαόν σου, διὰ τὸ μέγα σου ἔλεος) [24, р. 4.15–18]. Помимо служб в церкви Св. Софии также совершались выходы в другие столичные храмы (церковь Богоматери Халкопратийской и церковь Богородицы в квартале Урбиций [22, р. 207]), где служили вечерню, возжигали свечи, совершали каждение [24, р. 4.19–20, 6.10–13]. Так, главным местом проведения торжеств было освященное пространство храма, что подчеркивало христианское благочестие ромеев и церковный характер торжества. Однако в сценарий новогодних действий был включен и выход за пределы храмов в общественное пространство Константинополя, о чем вскользь упоминается в Уставе. Так, после окончания утренней службы совершался крестный ход на форум (вероятно, речь шла о форуме Константина), где звучало славословие «Слава отцу, и Сыну, и Святому духу» (δοξάζουσιν οἱ ψάλται ἐν Φόρῳ) [24, р. 6.18]. Именно эта часть новогоднего ритуала в дальнейшем получит развитие, выделившись в отдельный акт церемониального «спектакля». В целом же обрядовая сторона новогоднего праздника подчеркивала его христианский характер, а совершаемые по этому случаю ритуалы были вписаны в общую канву церковных служб.

Император, вероятно, мог посещать литургии, совершаемые патриархом в Новый год, однако источники не говорят об обязательном его присутствии на них. Очевидно, это еще не было устоявшейся традицией (возможно, такой традиции еще и не существовало). По крайней мере, участие императора в новогоднем богослужении не включалось перечень официальных императорских выходов, закрепленных церемониальными протоколами, тщательно фиксирувавших любое публичное появление правителя. Да и в самом императорском дворце, по всей вероятности, в день новолетия не устраивалось особых торжеств, в отличие от январских календ, которые, несмотря на их языческий характер и сопротивление церкви, при дворе продолжали отмечать довольно долго [15, р. 182–185; 1, с. 15–18; 23, с. 13–19]. О том, что 1 сентября не попал в число «красных дат» дворцового календаря, свидетельствует, в частности, молчание главного источника по истории парадной жизни империи – трактата «О церемониях византийского двора» Константина VII Багрянородного (913–959). В нем описаны сценарии главных византийских праздников, в которых принимал участие император, но ничего не говорится о торжествах, приуроченных к Новому году. Поскольку обрядник зафиксировал обычаи, существовавшие не только во время его составления, но и в более раннюю эпоху, можно говорить об отсутствии традиции особых императорских церемоний в день новолетия вплоть до конца X века.

Иную ситуацию можно наблюдать при Палеологах. В поздневизантийское время новогодний праздник уже вошел в официальный график мероприятий, проходивших с участием императора, о чем свидетельствует церемониальный трактат Псевдо-Кодина «О чинах Константинопольского двора и должностях Великой Церкви». Трактат был составлен, по мнению Ж. Верпо, после 1347 г. и не позднее конца 1360-х гг. [27, р. 25–31] или, согласно другой точке зрения, после отречения Иоанна VI Кантакузина в 1354 г. с тем же *terminus ante quem* [26, р. 18]. Как отмечают исследователи, анонимный автор обрядника пользовался доступными ему церемониальными протоколами, составленными при дворе ранних Палеологов и, возможно, при дворе

Иоанна V Палеолога (1341–1391) [26, р. 18]. Это говорит о том, что практика торжественно отмечать новолетие бытовала при дворе, по крайней мере, в начале XIV в., а также, вероятно, и в более раннее время. Новогодний праздник, таким образом, в раннепалеологовский период стал частью церемониальной жизни императорского двора.

Псевдо-Кодин так описывает официальный выход василевса в тот день: «Первого сентября (κατὰ μὲν τὴν πρῶτον τοῦ Σεπτεβρίου) патриарх с процессией и святыми иконами отправляется к порфировой колонне, на которой установлен крест, то место в древности называлось форумом⁵; император отправляется туда и слушает там службу, совершаемую по обычаю. После окончания он возвращается во дворец» [27, р. 242]. «Совершаемая по обычаю» служба, вероятно, следовала чину, установленному Уставом Великой церкви. Автор трактата не упоминает о литургиях, проходивших в тот день в константинопольских храмах (которые, безусловно, совершались), поскольку его внимание было сосредоточено на протокольных выходах императора. Однако можно предположить, что молебен на форуме предшествовала литургия в церкви Св. Софии, в которой императорское участие не предусматривалось протоколом. Вероятно, после нее и совершался описанный Псевдо-Кодином крестный ход «со святыми иконами». Император же, окруженный свитой и стражей, направлялся на форум из Влахернского дворца⁶, расположенного в противоположной части города. По прибытии императорской процессии праздник достигал своей кульминационной точки – при большом стечении духовенства, чиновничества и простого народа, участие которого в церемониях по традиции было обязательным, совершалось торжественное богослужение. Хотя автор обрядника умалчивает о том, что происходило после возвращения василевса во дворец, можно осторожно предположить, что там устраивалась праздничная трапеза, пусть не столь пышная и продолжительная, как описанный Псевдо-Кодином императорский обед в канун Рождества [5, с. 216–222].

Новогодний ритуал Псевдо-Кодин поместил в начало 5-й главы, озаглавленной «О некоторых других праздниках, на которых при-

сутствует император, если он находится в Константинополе». Вслед торжествами по случаю Нового года перечислены другие религиозные праздники в соответствии с церковным календарем⁷: Рождество Богородицы (8 сентября⁸), поминание св. Димитрия (26 октября), Иоанна Златоуста (13 ноября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября), поминание св. Василия Великого (1 января), праздник Всех Святых (2 февраля), поминание св. Георгия (23 апреля), Константина Великого (21 мая), Иоанна Предтечи (24 июня), св. апостолов Петра и Павла (29 июня), Преображение (6 августа), Успение Богородицы (15 августа), усекновение главы Иоанна Крестителя (29 августа). Все упомянутые в данной главе богородичные праздники и поминальные дни предполагали посещение императором определенных церквей и монастырей, так или иначе связанных с культом почитаемых в тот день святых или с евангельскими событиями. И только чествование Нового года, по крайней мере, в его кульминационной части, происходило не в пределах храма или монастыря, а на одной из важнейших городских площадей – форуме Константина.

Этот форум, являвшийся центром общественной и церемониальной жизни византийской столицы [10, р. 168], на протяжении многих столетий ассоциировался прежде всего с императорской властью. Форум, построенный основателем города в свою честь одним из первых (в 328 г.) [21, р. 62–64; 9, S. 172–173; 25, р. 31], находился на Месе, главной городской артерии, неподалеку от Большого императорского дворца. В ранневизантийский период, когда различие между государственными и церковными церемониями было еще выраженным, форум Константина предназначался прежде всего для государственных торжеств, таких как, например, празднование 11 мая годовщины основания Константинополя [11, р. 75]. Его украшала порфиновая колонна, на которую в XII в. поместили крест, заменивший статую Константина в образе *Sol Invictus* [16, р. 12–17; 9, S. 172–184; 12, р. 8], но не изменивший символическое значение площади. Форум, по сути, был смысловым центром Нового Рима [9, S. 186–187], зримым образом славы и мо-

гущества императорской власти [8, р. 91]. Через него пролегали маршруты многочисленных светских и религиозных торжественных процессий, будь то императорские триумфы или крестные ходы [11, р. 73–87].

Присутствие императора на службе, проходившей на форуме, подчеркивало светскую составляющую праздника и символическим языком выражало христианскую суть империи ромеев и божественный характер императорской власти. В центре праздника оказывалась фигура императора, который воспринимался зрителями как правитель, вознесенный до божественной сферы [31, S. 234]. В новогодней церемонии, как и в любом другом церемониальном акте, зримо воплощалась имперская идея. Как заметил О. Трайтингер, «мир и идея империи и императора живет в каждой форме их выражения» [31, S. 227]. Выбор форума Константина в качестве места коммеморации был вовсе не случаен – истоки своей государственности и имперского величия византийцы связывали с именем Константина I Великого. Так, место проведения новогоднего ритуала подчеркивало историко-культурную и политическую преемственность от Древнего Рима, неизбежность государственной системы, величие и всемогущество императора. В нестабильные времена – а именно их переживала палеологовская империя – такая связь была особенно необходима в контексте имперской идеологии и пропаганды [8, р. 114].

С другой же стороны, включение в церемониальный протокол императорского выхода в день новогодних торжеств было своеобразным проявлением усилившейся в поздней Византии сакрализации дворцовой жизни [19, р. 217; 5, с. 245]. Присутствие императора на литургии, совершаемой патриархом на форуме Константина, демонстрировало единство светской и церковной власти, *Imperium et Sacerdotium*. Произошедшая при Палеологах эволюция ритуала придавала религиозному по характеру празднику государственный масштаб. Таким образом, на заключительном отрезке византийской истории праздник новолетия официально отмечался не только под эгидой церкви, но и государства.

Поздневизантийский сценарий праздника прижился на русской почве. В северо-вос-

точной Руси официально перешли с «мартовского» на «сентябрьский» год в 1348 г. в связи с возросшим влиянием церкви на государственные дела [7, с. 68]. Ориентация Руси на византийскую литургическую и обрядовую традицию способствовала заимствованию в том числе ритуалов, проводимых в Новый год. Об этом свидетельствует тот факт, что в Московском царстве XVI–XVII вв. (вплоть до петровских преобразований) воспроизводился, судя по всему, новогодний ритуал в соответствии с византийским прототипом. Он, безусловно, претерпел изменения, будучи адаптирован под местные политические задачи и культурные реалии, но по сути и по форме не отличался от того, что происходило на форуме Константина.

1 сентября совершался царский выход к «действию многолетнего здравия», проходившему на Соборной площади Московского Кремля при огромном стечении народа [2, с. 380–383]. В центре площади сооружался помост, огражденный позолоченными решетками и покрытый турецкими и персидскими коврами – он служил своеобразной сценой для «новогоднего спектакля». На него устанавливали три аналоя: на двух помещали Евангелия, на третьем – икону Симеона Столпника Летопрводца. Тут же ставили и два «места» (трона) – патриаршее и царское, обитое «червчатым» (темно-красным) бархатом или серебряной парчой. Патриарх и духовенство в праздничных облачениях с иконами и хоругвями выходили из врат Успенского собора, царский же кортеж под колокольный звон двигался со стороны Благовещенского собора. Патриарх, прибывавший с крестным ходом первым, встречал на помосте царя, облаченного в пурпурные одеяния и шапку Мономаха, и благословлял его [2, с. 380–381]. После того, как патриарх и царь обменивались приветственными речами, начинался молебен по «чину летопрводения». Когда заканчивалась служба, наступало время здравниц – патриарх, осенив крестом государя, произносил задравную речь, ему отвечивал царь, затем шли поздравления от бояр, духовенства, собравшегося народа. В завершение государь отвечал «миру» поклоном. По окончании действия царь отправлялся или к обедне, или к себе в хоромы [2, с. 382–383]. Как заметил И.Е. Забе-

лин, «это был праздник царский, в собственном смысле государственный и гражданский. Поэтому первое место здесь принадлежало особе государя, которому и воздавалось общее чествование» [2, с. 383]. Аналогия с византийским празднованием Нового года представляется вполне очевидной – «византийский след» прослеживается в общей драматургии праздника, основных этапах сценарного плана, элементах декора и одеяний, обрядовой форме и идейно-политическом содержании действия. Так, византийский ритуал новогоднего торжества продолжал жить и после гибели империи.

Однако вернемся в позднюю Византию. Кроме того, что мы знаем об официальных торжествах по случаю Нового года, мы также располагаем уникальным свидетельством того, как этот день отмечали обычные византийцы, жившие за пределами столицы. Речь идет об одном из ранних писем Димитрия Кидониса, выдающегося византийского интеллектуала и блестящего эпистолога XIV в. [18, ер. 5]. Письмо было составлено 2 сентября 1346 г. в одном неназванном провинциальном фракийском городе и по содержанию напоминает дневниковые записи [4, с. 206] – автор довольно эмоционально описывает все то, что с ним случилось накануне. День, о котором идет речь в письме, как раз был новогодним. Как пишет сам Кидонис, «это был день, который мы отмечаем как первый день года, когда открыты все храмы и люди совершают молитвы и жертвоприношения; одни молятся о сохранении их нынешнего счастья, другие – об избавлении от того, что их тяготит. Они также молятся о здоровье, военных и мирных делах, погоде и урожае» [18, ер. 5.19–22]. Находясь вдали от семьи, Кидонис с грустью думал о праздничной обстановке в его родной Фессалонике, которую он покинул по служебным делам: «Сейчас у нас в городе празднества и жертвоприношения; ныне храмы полны молящимися, а дома людьми, желающими друг другу счастья; в курии собираются советники, в музеонах – наставники. Наши соученики собираются вокруг учителей и радуются, видя друг друга» [18, ер. 5.25–28]. В этот день каждый город погружался в атмосферу праздника, а в каждом доме звучали здравницы и пожелания благопо-

лучия. Заметим, что молодой интеллектуал, еще не бывавший в Константинополе и не знавший столичных традиций, описывал то, как отмечалось новолетие в провинции.

Сообщение Кидониса показывает, что Новый год был поистине общенародным праздником. Праздничная атмосфера царила повсеместно – и в храмах, и в общественных местах, и в частных домах. К этому празднику византийцы испытывали особое, благоговейное отношение, ведь по нему можно было судить о том, что каким будет год грядущий. Как заметил Кидонис, «и вообще тот день все считают приметой будущего» [18, ер. 5.22–23]. Пожелания счастья, благополучия, достатка в Новом году были неременной частью праздничного ритуала.

Результаты. Письмо Кидониса было написано в 1346 г. – немногим ранее составления трактата Псевдо-Кодина. Хронологическая близость этих двух источников дает нам объемное представление о праздничной культуре поздней Византии и позволяет говорить о широком праздновании Нового года в разных частях империи. Новолетие отмечалось на разных уровнях – церковном, государственном, общенародном. Следуя устоявшейся традиции, в тот день в столице и за ее пределами византийцы посещали храмы, где служились торжественные литургии, и совершали крестный ход. Они обменивались здравницами и пожеланиями счастья в Новом году. В обрядовой стороне официального торжества усилилась светская составляющая – праздник стал частью протокольных церемоний императорского двора. Эта тенденция получила дальнейшее развитие в Московском государстве, унаследовавшем от Византии традицию пышно отмечать Новый год. Сравнение сценария новогоднего праздника палеологовской эпохи с официальными торжествами по этому случаю в допетровской России показывает сильное византийское влияние на русскую праздничную и церковно-политическую культуру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Традиция вступления в должность консулов с 1 января закрепилась с 153 г. до н. э. [13, р. 6].

² Счет по индиктам был регламентирован при Диоклетиане (284–305) и окончательно утвержден Константином I Великим (306–337) в 312 г., см.: [29, vol. 2, p. 993].

³ П.В. Кузенков пишет вслед за другими исследователями, что сентябрьский год окончательно утвердился с XI в. [3, с. 405]. Однако, судя по данным Константинопольского синаксаря, Миналогия Василия II и Устава Великой Церкви, летоисчисление от 1 сентября официально закрепилось уже в X в. [28, col. 1.1; 17, col. 21A–B; 24, p. 2].

⁴ На Руси Симеона Столпника, поминаемого 1 сентября, в день нового года, называли Семен Летопроведец.

⁵ Форум Константина, см.: [21, p. 62–64].

⁶ Именно Влахернский дворец при Палеологах являлся главной императорской резиденцией, см.: [30, S. 285; 5, с. 50].

⁷ В этой главе не упомянуты ряд двенадцатых праздников (Рождество, Крещение, Вход Господен в Иерусалим, Крестовоздвижение и др.), сценарии которых подробно описаны в 4-й главе трактата «О порядке Господских праздников и обычаях, соблюдаемых в те дни» [27, p. 189–241].

⁸ Даты указаны по юлианскому календарю.

REFERENCES

1. Veselovskiy A.N. Genvarskiya rusalii i gotskie igry v Vizantii [January Rusalies and the Gothic Games in Byzantium]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1885, September, pp. 1-18.
2. Zabelin I.E. *Domashniy byt russkogo naroda v XVI–XVII v. T. 1: Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiy* [Russian People's Home Life in the 16th–17th Century. Vol. 1. The Home Life of the Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova Publ., 1895. 751 p.
3. Kuzenkov P.V. *Khristianskie khronologicheskie sistemy. Istoriya letoschisleniya v svyatootecheskoy i vostochnokhristianskoy traditsii III–XV vekov* [Christian Chronological Systems. The History of Chronology in the Patristic and Eastern Christian Tradition of the 3rd–15th Centuries]. Moscow, Rus. izd. tsentr im. Sv. Vasiliya Velikogo Publ., 2014. 992 p.
4. Polyakovskaya M.A. *Frakiyskiy dnevnik mladogo intellektuala (avgust–sentyabr 1346 g.)* [Thracian Diary of a Young Intellectual (August–September 1346)]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina chronika], 1994, vol. 55 (80), no. 2, pp. 206-211.
5. Polyakovskaya M.A. *Vizantiyskiy dvortsovyy tseremonial XIV v.: «teatr vlasti»* [The Byzantine Palace Ceremonial of the 14th Century: “The Theater of Power”]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2011. 334 p.

6. Syuzumov M.Ya. *Khronologiya vseobshchaya* [Universal Chronology]. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 1971. 97 p.
7. Chicherov V.I. *Zimniy period russkogo zemledelcheskogo kalendarya XVI–XIX vekov* [Winter Period of the Russian Agricultural Calendar of the 16th–19th Centuries]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957. 236 p.
8. Angelov D. *Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2007. 453 p.
9. Bauer F.A. *Stadt, Platz und Denkmal in der Spätantike: Untersuchungen zur Ausstattung des öffentlichen Raums in den spätantiken Städten Rom, Konstantinopel und Ephesos*. Mainz, P. von Zabern Publ., 1996. 305 p.
10. Berger A. Streets and Public Spaces in Constantinople. *Dumbarton Oaks Papers*, 2000, vol. 54, pp. 161–172.
11. Berger A. Imperial and Ecclesiastical Processions in Constantinople. Necipoğlu N., ed. *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2001, pp. 73–87.
12. Berger A. *The Statues of Constantinople*. Cambridge, Cambridge University Press, 2021. 76 p.
13. Blackburn B., Holford-Strevens L. *The Oxford Companion to the Year: An Exploration of Calendar Customs and Time-Reckoning*. Oxford, Oxford University Press, 1999. 937 p.
14. Bryer A. Chronology and Dating. Jeffreys E., Haldon J., Cormack R., eds. *The Oxford Handbook of Byzantine Studies*. Oxford, Oxford University Press, 2008, pp. 31–37.
15. Vogt A., ed. *Constantine Porphyrogénète. La livre des cérémonies. Vol. 2*. Paris, Société d'Édition "Les belles lettres", 1967. 193 p.
16. Dagrón G. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris, Presses Universitaires de France, 1974. 578 p.
17. De Menologio Basilii imperatoris. Migne J.-B., ed. *Leonis Diaconi Historia*. Paris, Imprimerie Catholique, 1894, cols. 13–613. (Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca; vol. 117).
18. Loenertz R.-J., ed. *Démétrius Cydonès. Correspondance. Vol. 1*. Città del Vaticano, Biblioteca apostolica Vaticana, 1956. 221 p.
19. Grabar A. Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle. *Art et société à Byzance sous les Paléologues. Actes du colloque organisé par l'association internationale des études byzantines à Venise en septembre 1968*. Venise, Stamperia di Venezia, 1971, pp. 193–221.
20. Grumel V. *La Chronologie*. Paris, Presses universitaires de France, 1958. 487 p.
21. Janin R. *Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique*. Paris, Institut français d'études byzantines, 1964. 542 p.
22. Janin R. *Les églises et les monastères de Constantinople*. Paris, Institut français d'études byzantines, 1969. 607 p.
23. Koukoules F. *Byzantinōn bios kai politismos* [The Byzantine Life and Civilization]. T. 2, fasc. 1. Athens, Institut français d'Athènes, 1948. 283 p.
24. Mateos J., ed. *Le Typicon de la Grande Église. Ms. Sainte-Croix n° 40, Xe siècle. T. 1*. Roma, Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1962. 389 p.
25. Mango M.M. The Porticoed Street at Constantinople. Necipoğlu N., ed. *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2001, pp. 29–51.
26. Macrides R., Munitiz J., Angelov D., eds. *Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies*. Farnham, Ashgate, 2013. 540 p.
27. Verpeaux J., ed. *Pseudo-Kodinos. Traité des offices*. Paris, Éditions du Centre national de recherche scientifique, 1966. 420 p.
28. Delehaye H., ed. *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae: e Codice Sirmondiano nunc Berolinensi; adiectis synaxariis selectis*. Bruxellis, Apud Socios Bollandianos, 1902. 1181 p.
29. Kazhdan A.P., ed. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 1. New York, Oxford, Oxford University Press, 1991. 728 p.; Vol. 2. 1473 p.
30. Tinnefeld F. Der Blachernenpalast in Schriftquellen der Palaiologenzeit. Borkopp B., Steppan Th. *Lithoströton. Studien zur byzantinischen Kunst und Geschichte. Festschrift für Marcelle Restle*. Stuttgart, Franz Hermann, 2000, pp. 277–285.
31. Treitinger O. *Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. 237 p.

Information About the Author

Tatiana V. Kushch, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Куш, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, tkushch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9097-5466>